

ОБ ОДНОМ СЛЕДСТВЕННОМ ПОКАЗАНИИ ПО ДЕЛУ ПУГАЧЕВА

Среди многообразных источников по истории крестьянской войны 1773—1775 гг. одно из первых мест по численности и значимости содержащихся в них сведений занимают следственные показания лиц, привлеченных по делу Пугачева. Показания составляют значительную часть как опубликованных,¹ так и неопубликованных материалов и позволяют исследователю осветить основные этапы и проблемы крестьянской войны. В истории крестьянской войны 1773—1775 гг., пожалуй, трудно найти такой вопрос, при исследовании которого можно было бы обойтись без следственных показаний как исторического источника.

Признавая значимость показаний, следует, однако, учитывать специфический характер этого документа, определяющийся теми условиями, в которых появился данный вид источника. При отборе и анализе сведений, содержащихся в показаниях, необходимо принимать во внимание, что показания часто давались под пытками. Это приводило к тому, что обвиняемый на допросе мог дать сведения, не имеющие ничего общего с исторической действитель-

⁵¹ 2 ПСЗ, т. XXXVI, отд. 1, № 36662.

¹ Допросы Пугачеву. Чтения ОИДР, 1858, кн. 2, отд. 2, стр. 1—36; Пугачевщина. Т. 2, М.—Л., 1929; т. 3, М.—Л., 1931; Восстание Емельяна Пугачева. Подгот. к печати М. Мартыновым. Л., 1935; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. Красный архив, 1935, № 1 (68), стр. 162—170; Допрос Пугачева в Москве в 1774—1775 гг. Красный архив, 1935, № 2—3 (69—70), стр. 159—237; Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье. Сталинград, 1937; Пугачев в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1947; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773—1775 гг. Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов-на-Дону, 1961.

ностью, ввести в заблуждение допрашивающих его лиц, привлечь к следствию людей, которые к восстанию не имели никакого отношения, значительно преуменьшить свою роль в восстании или отвергнуть ее вообще. Сама обстановка, в которой давалось следственное показание, способствовала тому, что наряду с показаниями, достоверность которых не вызывает сомнений, хотя и нуждается в проверке, появлялись показания, которые относятся к категории ложных (имеем в виду сведения, содержащиеся в показании). Показание, поэтому, как ни один другой источник нуждается в тщательной проверке тех сведений, которые содержатся в нем, а также в ответе на вопрос, содержат ли показания сведения, соответствующие действительности, или они содержат те сведения, которые нужно было получить от обвиняемого лицу, заинтересованному в получении необходимых ему данных.

Некритическое отношение к показанию как историческому источнику приводит порой к искажению исторической действительности.

Сравнительно недавно В. И. Недосекиным в фонде Воронежской губернской канцелярии было обнаружено следственное показание Федора Неструева,² использованное им в статье «Попытка Е. И. Пугачева поднять восстание на Дону, Украине и в Черноземном Центре России в июле—сентябре 1774 г.».

Показание Неструева, как следует из текста, дано вторично, «с пристрастием под плетью», в Слободской губернской канцелярии. При знакомстве с показанием обращает на себя внимание необыкновенная логичность и последовательность излагаемых в нем событий. Содержание показания кратко сводится к следующему. Федор Неструев, крепостной человек однодворца Киреевского, проживающего в селе Долгих Ливенского уезда, в июне 1774 г. бежал в армию Пугачева и достиг ее под Казанью, где был принят в казаки. Получив от Пугачева два пистолета, саблю, казачье платье и 21 рубль жалованья, обучившись стрельбе, Неструев вместе с вождем крестьянской войны от Казани следовал по территории Правобережья через Саранск, Пензу вплоть до Царицына.

Особый интерес представляет вторая часть показания, в которой Неструев говорит о попытке Пугачева поднять на борьбу крестьянство Украины и Черноземного Центра в период, последовавший после поражения под Царицыном, т. е. в момент, когда крестьянская война фактически уже угасла. Как следует из показания Неструева, после поражения под Царицыном Пугачев, переправившись через Волгу, в слободе Катериновке, расположенной на расстоянии 100 км от Волги, собрал своих ближайших сподвижников. Семерым из них были вручены письма и дано указание следовать на Украину и в центральные районы России с целью

² ЦГАДА, ф. 406, д. 863, лл. 1—6.

поднять народ на борьбу. В числе посланных были следующие лица: Парамон Богданов, который должен был следовать в Малороссию, Макар Поляков — в Тамбов, в деревню помещика Исакова, Астафий Переверзев — к однодворцам Воронежского уезда, крестьянин Гур — в Орловский уезд, в деревню прапорщика Скоратина, Денис Ярков — в Рыльский уезд, Василий Чугуевский — в слободу Гнилую и, наконец, сам Федор Неструев, который должен был следовать на Украину, в такие города как Полтава, Харьков. Все семеро получили от Пугачева письма, запечатанные в пакеты. Достигли ли цели перечисленные посланцы, агитаторы Пугачева, из показания Неструева неизвестно. О себе же Неструев говорит, что он побывал у полковника Дьякова, поручиков Евдокимова и Алексея Гринева, майора Ярыгина, капитана Черемисинова. Конечно намерение Неструева — пробраться в Азовский полк, однако, не было осуществлено, так как под Полтавой он был пойман.

Автор названной статьи интерпретировал данные показания Неструева «как новый материал о планах вождя восставшего крестьянства, пытавшегося поднять на борьбу с феодальным строем волницу Дона, крестьян Черноземного Центра и Украины».³ В. И. Недосекин подробно, вплоть до описания внешности и одежды, останавливается на деятельности перечисленных выше пугачевских агитаторов. По мнению автора, Неструев, исполняя указание Пугачева, «проехал по Европейской России и Украине около 1 000 верст». Переверзев, достигнув Воронежского уезда, «подговаривает народ к бунту», попытка же воронежского губернатора Шетнева сыскать и арестовать «смутьяна» не удалась, так как, пишет В. И. Недосекин, «народные массы не выдавали своих друзей по борьбе». В итоге автор говорит о замыслах Пугачева «перенести пожар крестьянской войны на территорию Европейской России».

Внимательное изучение следственного дела Неструева, однако, показывает, что выводы В. И. Недосекина сделаны хотя и на «новом», но весьма ненадежном материале, ибо показание Неструева не является документом, характеризующим замыслы Пугачева в самый последний период восстания, а представляет собой один из образцов ложного показания, содержание которого не может быть использовано при освещении вопроса о планах Пугачева летом и осенью 1774 г.

Ложность этого источника обнаруживается прежде всего посредством сравнительного анализа данных, содержащихся в показании Неструева, с данными показаний тех лиц, на которых ссылается Неструев. Так, один из якобы пугачевских агитаторов, Переверзев, на допросе показал, что «подлинно сего года (1774 г., — Л. П.)

³ В. И. Недосекин. Попытка Е. И. Пугачева поднять восстание на Дону, Украине и в Черноземном Центре России в июле—сентябре 1774 г. В сб.: Из истории Воронежского края, Воронеж, 1961, стр. 97.

в летнее время никогда ни с кем в толпе извесново государственново злодея Пугачева он, Переверзев, не бывал... Почему и с письмом от Пугачева и Савенкова в Воронежской уезд к однодворцам посылать ево неможно и посылан от них и ни от ково никуда не был, и что он, Переверзев, был в своем доме во все лето неотлучным». ⁴ Ливенский помещик Савенков, который, судя по показанию Неструева, якобы находился при Пугачеве и принимал участие в рассылке агитаторов с письмами, утверждал, что он «... ево, Неструева, каков он лицом и ростом и подлинно ль однодворца Киреевского крестьянин не знает, ... а сам он, Савенков, не только к изменнику и извергу рода человеческого Пугачеву не ездил и никакой к сообществу мысли не имел, а имеет верность императрице...». Вопреки показанию Неструева, Савенков с 18 июня находился дома, а в тот период, когда Пугачев потерпел поражение и собрал своих агитаторов, он «з данным от частного смотрителя поруччика Емельяна Глухова билетом (который предъявлен при допросе, — Л. П.) с женою и з детьми и несколькими числом дворовых людей ездил для богомолья в город Ахтырку». ⁵ Таким образом, из показаний помещика Савенкова следует, что он как по своей классовой принадлежности и идеологии, так и действительному пребыванию летом 1774 г. никак не мог находиться в лагере восставших.

Далее, майор Ярыгин и поручик Гринев, которым, как утверждает В. И. Недосекин, «Неструев вручил личные послания Пугачева» при допросе их «во оном на них от оного Неструева показании не признались», ⁶ точно так же как и крестьяне подьячего Решетова, которые, судя по показанию Неструева, якобы хотели уехать с поручиком Алексеем Гриневым к Пугачеву. Наконец, Тамбовская провинциальная канцелярия на запрос воронежского губернатора Шетнева о сыске и присылке помещика Исакова, к которому якобы был послан Макар Поляков, ответила, что по наведению справок «означенного помещика Исакова по Тамбовскому уезду в жительство и деревень ево Исакова не имеется...», ⁷ а майор Ливенского уезда Черемисов, которому было предложено доставить крепостного человека Макара Полякова, ответил: «...хотя и есть у меня Макар, только не Поляков, а Павлов». ⁸

Подобные сведения, заимствованные из других показаний, на наш взгляд, являются убедительным доказательством ложности показания Неструева. Они подтверждают, что лица, на которых ссылается Неструев как на причастных к восстанию Пугачева, в действительности не имели к крестьянской войне 1773—1775 гг. никакого отношения, а некоторые из них (как, например, помещик

⁴ ЦГАДА, ф. 406, д. 863, л. 29.

⁵ Там же, лл. 36—37.

⁶ Там же, ф. 1274, д. 190, лл. 402—403.

⁷ Там же, ф. 406, д. 863, л. 12.

⁸ Там же, л. 24.

Исаков, Макар Поляков) были просто вымышленными, точно так же как и действия самого Неструева.

Вымышленными являются не только люди и события, с которыми приходится иметь дело в показании Неструева, но и географические названия. Весьма подозрительным, например, является указание на слободу Катериновку, где Пугачев собрал агитаторов, указанных Неструевым, ибо в показаниях как самого Пугачева, так и его ближайших сподвижников отсутствует всякое упоминание о ней.⁹ Обращение же к справочной литературе конца XVIII—XIX в. с целью выяснить существование слободы Катериновки в данном районе Поволжья не дало положительных результатов.¹⁰

Далее, сама логичность и последовательность излагаемых в показании Неструева событий заставляет подойти к данному показанию с большой осторожностью. Если исходить из показания Неструева, то весьма неправдоподобным фактом, например, является то обстоятельство, что Пугачев посылает своих агитаторов не только в гущу простого народа, но адресует их и к представителям правящего класса. Так, Неструев должен был доставить письмо Пугачева отставному поручику Гриневу, отставному майору Ярыгину, капитану Черемисинову, полковнику Дьякову, поручику Ивану Евдокимову сыну.¹¹ Совершенно очевидно, что представленный Неструевым круг лиц, на который пытался опереться Пугачев в последний период своей деятельности, не мог соответствовать ни тактическим планам Пугачева, ни той социальной базе, на которую опирался Пугачев летом 1774 г. Правдивость показания Неструева, следовательно, опровергается не только показаниями лиц, на которых ссылается допрашиваемый, но и самим характером изложения якобы происходящих событий. Апелляция к представителям, находящимся вне лагеря восставших, является еще одним доказательством ложности следственного показания Неструева.

Кому же были нужны такие показания? Показание Неструева наводит нас на мысль о существовании лиц, которые в целях выслужиться перед правительством были заинтересованы в получении подобного рода ложных, провокационных показаний. К сожалению, выяснить, кто эти лица, пока не удалось.

Рассмотренное же нами показание наглядно свидетельствует о существовании среди источников по истории крестьянской войны

⁹ См. допрос И. А. Творогова (Пугачевщина, т. II, стр. 141—162); а также допрос Е. И. Пугачева в Москве в 1774—1775 гг.

¹⁰ Х. Чеботарев. Географическое методическое описание Российской империи. М., 1776; Л. Максимович. Новый и полный географический словарь Российского государства. М., 1788; А. Щекатов. Географический словарь Российского государства, т. III, М., 1804. Списки населенных мест Российской империи. Астраханская губерния, т. II. СПб., 1861; Саратовская губерния, т. XXXVIII. СПб., 1862; П. Семенов. Словарь Российской империи, т. II. СПб., 1865.

¹¹ ЦГАДА, ф. 406, д. 863, л. 5 об.

1773—1775 гг. следственных показаний, которые содержат сведения, искажающие действительный ход событий.

В определении достоверности содержащихся в следственном показании сведений заключается одна из важнейших задач исследователя.